

Тимур Гузаиров (Тарту)

СЛУЧАЙНЫЕ ФАКТЫ И НЕПРЕДСКАЗУЕМЫЕ СМЫСЛЫ: ВОПРОС К «ИСТОРИИ ПУГАЧЕВСКОГО БУНТА»

2 ноября 1833 г. Пушкин завершил работу над «Историей Пугачева». В декабре он передал для Николая I первые пять глав сочинения, озаглавленные «Том первый (от начала бунта до кончины Бибикова)». 3 июля 1834 г. поэт обратился к лицейскому другу, директору типографии М. Л. Яковлеву, с письмом, в котором разъяснил детали издания своего труда. До середины августа Пушкин работает над подготовкой издания: сводит в единое целое примечания, посылает в типографию приложения, содержащие некоторые исторические материалы. Сочинение — под измененным заглавием «История Пугачевского бунта» — вышло из печати в конце 1834 г. и состояло из двух частей, примечаний, географической карты, именного указателя.

Между рукописью и опубликованным текстом есть существенная разница, которая заключается не столько в некоторых стилистических исправлениях и изменении, по требованию высочайшего цензора, названия труда. В декабре 1833 — январе 1834 г. император читал «Историю Пугачева», т. е. исключительно основной авторский текст, однако массовый читатель в 1835 г. знакомился с трудом, имеющим иную структурную организацию, которая открывала новые ракурсы осмысления. Прибавив примечания и приложения, поэт не только увеличил информативность и объем книги, но и создал предпосылки к параллельному и сопоставительному прочтению двух частей. Характерно, что пушкинская композиция «Замечаний о бунте», поданных царю в январе 1835 г., ориентировала высочайшего цензора на такое же прочтение. Поэт указывает страницу из «Истории Пугачевского бунта» (далее ИПБ) и далее прилагает не вошедший в основной текст исторический комментарий. Пушкин дал Николаю I возможность сравнить описания событий, персонажей, деталей, выявить отличительные факты. По замыслу поэта, понимание ИПБ строится в том числе на способности читателя увидеть взаимодействие различных элементов и смысловые смещения, которые определяют концепцию сочинения.

Одновременно с ИПБ в 1833 г. Пушкин завершил петербургскую повесть «Медный всадник», в основе которой лежало реальное событие — разрушительное наводнение 1824 г. «Речной» образ борьбы стихий против «Петра творенья» оказался осью, вокруг которой складываются также важные с концептуальной точки зрения сюжеты ИПБ.

Во второй части сочинения, в первом разделе приложения, «Манифесты, указы и рескрипты, относящиеся к пугачевскому бунту», Пушкин привел целый ряд указов Екатерины II. Среди упоминаемых постановлений здесь отсутствует лишь указ о переименовании реки Яик, Яицкого городка и яицкого казачьего войска. Вместе с тем именно этот указ организует кольцевую композицию основного текста ИПБ: он не только подробнее излагается в последнем абзаце заключительной восьмой главы, но также упоминается в зачине сочинения: «Яик, по указу Екатерины II переименованный в Урал, выходит из гор, давших ему нынешнее его название» [Пушкин: IX (1), 7].

Р. В. Овчинников, автор неопубликованного комментария к ИПБ, хранящего в Пушкинском Доме, сообщает:

15 января 1775 г., пять дней спустя после казни Е. И. Пугачева и ближайших его сподвижников, Екатерина II подписала указ о переименовании реки Яика в Урал, Яицкого городка — в Уральск, яицкого казачьего войска — в уральское казачье войско (Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 20. № 14235. С. 15–16). Инициатором издания этого указа был генерал-аншеф Г. А. Потемкин, вице-президент Военной коллегии, шеф иррегулярных (казачьих) войск, подавший императрице доклад о необходимости таких переименований. Опубликование данного указа было продиктовано намерением правительства навсегда устранить из обихода прежние наименования, связанные с памятью о мятежных выступлениях яицких казаков, а, в особенности, с памятью о Пугачеве и Пугачевском восстании. Этой темы коснулся Пушкин в заключительных строках последней («осьмой») главы «Истории Пугачева», где поведал: «Екатерина, желая истребить воспоминание об ужасной эпохе, уничтожила древнее название реки, коей берега были первыми свидетелями возмущения. Яицкие казаки переименованы были в уральские, а городок их назвался сим же именем» (IX, 81).

[Овчинников]

В нашей статье мы предложим пример концептуального комментария, в основе которого лежит анализ смысловой связи между фактами и установление прагматики отдельного отрывка, сюжета в идейной структуре ИПБ в целом.

Указ о переименовании был подписан Екатериной II 15 января 1775 г. и опубликован в Полном собрании Российских законов (1830). Ссылка на него в первом предложении первой главы ИПБ нарушает хронологический принцип повествования — следующей датой будет XV в.

Как известно, во время работы над сочинением Пушкин мог знакомиться с частью архивных материалов, касающихся событий пугачевского мятежа. Обратимся к двум архивным документам, которые поэт переписал в свою тетрадь. Так, официальное «Известие о самозванце Пугачеве» открывается фразой: «От города Оренбурга за 269 верст на-

ходится городок, прежде именуемый Яицкий, а ныне Урал». [Пушкин: IX (2), 579].

Ср. в другом, не противоречащем официальной точке зрения сочинении — «Записке Пекарского о бунтах Яицких, что ныне Уральские, казаков...»: «В 1770-м году повелено было из Яицких, что ныне Уральские, казаков сформировать в Московский легион эскадрон казачий; но они ослушались». [Там же: IX (2), 598].

Итак, два разных автора по-своему отразили указ Екатерины II о переименовании, выделив в своих текстах два различных компонента: город и войско. Поставим вопрос: почему Пушкину было важно уже в зачине ИПБ указать на переименование именно *реки*, а не городка и войска?

В первом абзаце первой главы описание реки не только очерчивает географические контуры будущих событий. Образ реки втягивает в состав ИПБ ряд сюжетов и тематических полей. В своей работе М. Лангленб частично рассмотрела прагматику переименования реки в ИПБ, указав на важность идеи — безуспешной войны власти с памятью народа [Лангленб]. Настоящая статья посвящена другому аспекту — изучению истории возникновения конфликтной ситуации.

На основе путевых записок Пушкин написал «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» (которое полностью было опубликовано в «Современнике» в 1836 г.). Поэт стал свидетелем сражения с Сераскиром Арзрумским. Изображению боя предшествует взгляд автора на окружающую природу, образ которой вносит тревожное ожидание неизбежного последующего столкновения: «Природа около нас была угрюма. Воздух был холоден, горы покрыты печальными соснами. Снег лежал в оврагах. <...> Только успели мы отдохнуть и отобедать, как услышали ружейные выстрелы».

Пушкинская батальная картина заканчивается описанием преследования турок, однако атмосфера победы нарушается неожиданным диссонансом: «Мы нашли графа [Паскевича] на кровле подземной сакли перед огнем. <...> Огонь освещал картину, достойную Сальватора-Розы, *редка шумела во мраке*» (здесь и далее курсив наш — Т. Г.).

Шум реки риторически разрушает ночное замирение и предвещает новое кровопролитие:

В это время донесли графу, что в деревне спрятаны пороховые запасы и что должно опасаться взрыва. <...> Только успели мы прибыть на место, как вдруг небо осветилось, как будто метеором, и мы услышали глухой взрыв. Сакля, оставленная нами назад тому четверть часа, взорвана была на воздух: в ней находился пороховой запас. Разметанные камни задавили нескольких казаков. Вот всё, что в то время успел я увидеть.

[Пушкин: VIII (1), 468–470]

Образ реки служит конструктивным элементом для изображения неожиданного, взрывного, разрушительного события, и эти смысловые обертоны также оформляют соответствующий образ в ИПБ. Подобный литературный прием был характерен также для других авторов.

В «Северной пчеле» за 1832 г. было опубликовано сочинение А. А. Бестужева-Марлинского «Письма из Дагестана». После обращения к читателю в первом абзаце писатель знакомит его с «театром дагестанской войны», начиная с географии рек. Затем, охарактеризовав Ермолова и Казимугаммеда, автор приступает к рассказу об обстановке, предшествующей военным событиям:

В 1830 году западные горцы начали производить свои набеги. Друг перед другом рвались они отличиться; но в Дагестане <...> ничего важного не произошло... Река роптала, вздымалась, но еще не выступила из берегов. Над дагестанцами висел, как туча, сильный корпус...

[Бестужев: 95]

В рамке четырех абзацев река из географического объекта трансформируется в метафору внутренне осязаемого, готовящегося социального взрыва. В ИПБ Пушкин изначально вводит узнаваемую читателем метафору реки-бунта. Ср. из I главы: «Яик <...> выходит <...> его течение быстро»; в IV главе: «Зло, ничем не прегражденное, разливалось быстро и широко» [Пушкин: IX (1), 40].

Пушкинское описание реки в зачине ИПБ полемически ориентировано на начало сочинения П. Кудряшева «Сокрушитель Пугачева, Илецкий Казак Иван (Оренбургская повесть)», которая была опубликована в «Отечественных записках» (1829). Ср.: «Сердитые волны Урала утомились и утишили рев свой» [Кудряшев: 231]. Образ умиротворенной реки является, с одной стороны, частью литературного клише — при описании ночного свидания героя и героини; с другой стороны, он риторически указывает на итог пугачевского мятежа — на полное его замирение. В повести интерпретация событий мятежа строго выдержана в рамках официальной версии (о роли сочинении Кудряшева в структуре ИПБ см.: [Гузаиров]).

В отличие от Кудряшева Пушкин начинает свое повествование с использования старого, запрещенного Екатериной II названия реки. В ИПБ происходит трансформация историко-культурной памяти о мятеже, идет борьба против той литературной рамки, в которой описаны и осмыслены события пугачевского восстания. Обращение Пушкина в историческом труде к литературной традиции было обусловлено стремлением создать у читателя эмоциональные тематические ожидания и акцентировать свои идейные особенности.

Во второй половине 1820-х гг. пользовались большой популярностью исторические романы В. Скотта (см. [Долинин], [Альтшуллер]). В 1818 г. было написано, а в 1829 г. переведено на русский язык сочинение о шотландском благородном разбойнике «Роб Рой». В XXXV главе между дворянином (от лица которого ведется рассказ) и разбойником состоялся серьезный разговор о положении местного населения, о его притеснениях, о причинах, побуждающих присоединиться к гражданской войне против короля. Затем описывается встреча героя с отрядом Роб Роя, и рассказчик видит:

Над этой неширокой полосой круто поднималась гора, и на гребне ее мы увидели сверкающее оружие и развевающиеся плащи полусотни приверженцев Мак-Грегора. Они выстроились на чудесном месте, воспоминание о котором наполняет меня восторгом. Ручей мчал свои воды вниз с горы и, встретив каменную преграду, одолел ее в два прыжка <...> струи падали <...> вырывались...

[Скотт: 314]

См. также в романе «Уэверли, или Шестьдесят лет назад»:

Лишь к вечеру добрались они [Уэверли и Эван Дху] до одного из мрачных ущелий, через которые возможен доступ к горам. Тропа, чрезвычайно крутая и неровная, вилась на самом краю пропасти между двумя огромными скалами, следуя бегу вспененного потока, который бурлил глубоко внизу, проложив себе этот путь, по-видимому, в течение веков.

[Скотт 1990: 141]

Несколькими главами ранее также на фоне горного пейзажа произошло столкновение между отрядами разбойников и правительства. Река, горы составляют географическую картину, но одновременно они являются неизменными и неотъемлемыми «ментальными» топосами, за которые сражается народ. В ИПБ Пушкин начинает выстраивать идейную структуру, используя скоттовский прием: описание горной реки включено в движение авторской мысли о предпосылках и характере гражданской войны XVIII в.

Вернемся теперь к упоминаемому в зачине ИПБ указу Екатерины II. Это постановление императрицы является единственным, которое не имеет точной даты и которое пересказывается в сочинении. Отмеченные черты характерны также в первой главе для другого царского указа, на основе которого развивались отношения между монархом и яицкими казаками:

казаки чувствовали сильную необходимость в сильном покровительстве и в царствование Михаила Федоровича послали от себя в Москву, что-

бы он принял их под свою высокую руку. <...> Царь обласкал новых подданных и пожаловал им *грамоту на реку Яик*, отдав им ее *от вершины до устья* и позволяя им *набираться на жительство вольными людьми*.

[Пушкин: IX (1), 8]

В примечании Пушкин сообщает об утрате грамоты во время пожара в XVII в. Грамота Михаила Федоровича фиксирует договор между двумя сторонами со своими привилегиями и обязательствами.

Из архивных материалов поэт переписал указы самозванца. По цензурным соображениям он не мог их включить во вторую часть ИПБ. Пересказывая грамоту Михаила Федоровича, Пушкин ввел фрагмент из второго указа Пугачева: пожалование — «рекою с вершины до устья» [Там же: IX (2), 680]. Образ реки, таким образом, оказывается тем узлом, в котором идейно сопряжены указы двух враждующих сторон.

Рассмотрим теперь языковую прагматику зачинной фразы: «Яик, по указу Екатерины II переименованный в Урал, выходит из гор...». Данная синтаксическая структура транслирует два сообщения. Кроме географических сведений, Пушкин передает суть противостояния между казаками и правительством. Обратим внимание на смысловую структуру начального фрагмента. Она состоит из трех сегментов:

1. Яик — старое название реки.

2. Урал — новое название реки (согласно указу Екатерины II).

3. «Выходит» — начало течения реки. *Важно подчеркнуть*: река «выходит» после ее переименования, это — отклик на действие власти. Этот образ, как мы пытались показать на литературных примерах, разрушает тишину/замирение, предвещает будущее мятежное столкновение в ИПБ.

Переименование реки или запрет, отказ от исторической памяти является знаком тех социально-политических решений, направленных на замирение, на разрешение конфликта между царской властью и казаками. При пересказе указа Михаила Федоровича Пушкин не только ввел скрытую отсылку к манифесту Пугачева, но подчеркнул: казакам пожалована река, которая носит определенное название — Яик. Екатерина II отнимает исконное имя реки, которое метонимически напоминает о привилегии, дарованной казакам Михаилом Федоровичем. Уничтожение по монаршей воле древнего названия реки является еще одним шагом в нарушении договорных отношений между монархом и подданными.

В апрельском номере «Дерптского ежегодника» за 1835 г. («Dorpter Jahrbücher für Literatur, Statistik und Kunst») вышла статья профессора русского права Рейнгольда Унгерна Штернберга «История Пугачевского

бунта. Сочинение Александра Пушкина, d<as> i <st> Geschichte des Aufstandes des Pugatschew von Alexander Puschkin». Позднее она была переведена на французский язык и напечатана в «Révue des Etats du Nord». 1836. Vol. 4. В статье автор дает свою оценку сочинения Пушкина: «<...> его История не сообщает почти *нигего нового*» (цит. по [Громбах: 147]). Также А. И. Тургенев писал к П. А. Вяземскому из Парижа 14/26 мая 1836 г.: «Книгопродавцы полагают, что в „Истории Пугачева“ *нет нигего нового*, что *все давно уже известно* и для того неохотно берутся печатать перевод!» [Тургенев: 126]. Несмотря на тщательную работу с архивными документами, Пушкин как архивист не удивил читателя новыми фактами. Он описал пугачевское восстание, как оно произошло, отказавшись от прямого выражения своих суждений. Однако Пушкин как фактограф, сухо описывающий последовательность событий, сплетает смысловую паутину между имеющимися фактами, придает каждой детали свою функцию в ИПБ. Пушкин включает тщательно отобранные события в тематические ряды, в которых случайный или известный факт может получить дополнительное, непредсказуемое значение. ИПБ представляет собой набор различных сюжетов, они служат интерпретацией, оценкой событий и героев.

Таким образом, как мы попытались показать, ИПБ требует концептуального комментария — объяснение исключительно исторических деталей в этом случае не прояснило бы замысла автора и идейной структуры сочинения.

Литература

- Альгшуллер — Альгшуллер М. Эпоха Вальтера Скотта в России. Исторический роман 1830-х гг. СПб., 1996.
- Бестужев — Бестужев-Марлинский А. А. Кавказские повести. СПб., 1995.
- Громбах — Громбах С. Незамеченный отклик на «Историю Пугачева» // Вопросы литературы. 1979. № 6.
- Гузаиров — Гузаиров Т. Повести о Пугачеве в структуре «Истории Пугачевского бунта» // Пушкинские чтения в Тарту-5. Тарту, 2011. С. 145–153.
- Долинин — Долинин А. А. История, одетая в роман. Вальтер Скотт и его читатели. М., 1988.
- Кудряшев — Кудряшев П. Сокрушитель Пугачева, Илецкий Казак Иван (Оренбургская повесть) // Отечественные записки. 1829. Ч. 40. С. 231–259; 423–447.
- Ланглебен — Ланглебен. Наказание мятежной природы: 4 фрагмента из «Истории Пугачева» // Пушкинский сборник = Pushkin's Collection. Иерусалим, 1997. Вып. 1. Памяти Б. С. Вассермана. С. 141–162.

Овчинников — Овчинников Р. В. Комментарий к «Истории Пугачева» А. С. Пушкина. — Рукопись хранится в отделе пушкиноведения ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом).

Пушкин — Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937–1959.

Скотт — Скотт В. Роб Рой. Л., 1980.

Скотт 1990 — Скотт В. Собр. соч.: В 8 т. М., 1990. Т. 1.

Тургенев — Тургенев А. И. Письмо П. А. Вяземскому 14 / 26 мая 1836 г. Париж // Пушкин. Лермонтов. Гоголь М.: Изд-во АН СССР, 1952 (ЛН. Т. 58).

НЕ

*Музыкальное
Приношение,*

ИЛИ

Allegro affettuoso

Сборник статей
к 65-летию Бориса Ароновича Каца

Редакторы-составители:
*Александр Долинин, Илья Доронженков,
Людмила Ковнацкая, Наталия Мазур*

Издательство
Европейского университета в Санкт-Петербурге
2013